

Валерий Михайлович Федулов

О любви и не только

18+

Валерий Федулов

О любви и не только

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Федулов В. М.

О любви и не только / В. М. Федулов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Она случается с каждым, но у каждого бывает по-своему. И что считать первой любовью? День, когда ты идёшь с девочкой за руку из детского садика? Или вечер, когда в танце ты нежно обнимаешь девичий стан или робко целуешь её сладкие губы? Или ночь в объятиях женщины, которая отдаёт всю себя тебе и взлетает с тобой в небесную высь? Каждый ответит сам и каждый проходит через это, потому что без любви нет жизни и жить без любви не имеет смысла...

О ЛЮБВИ И НЕ ТОЛЬКО

Глава 1: История первой любви.

Первая любовь. Стучилась она у меня не в детском садике и не в первом классе, как многие сочиняют, а в седьмом. (7 – запомните эту цифру, мою любимую!) Именно тогда нашу 35-ю мужскую школу соединили с 21-й женской, до этого мальчики и девочки учились отдельно. А проще, отправили в женскую школу наших отъявленных хулиганов и двоечников, взамен нам прислали разбитных троечниц и некрасивых хорошисток. Как к нам попала отличница Лида Фарцева, непонятно, наверное потому, что жила близко, но я сдружился именно с ней, тем более, что наши фамилии в списке стояли рядом.

Но все мальчишки, и я в том числе, поголовно влюбились в красавицу Инну, которая впервые появилась в классе не в коричневом форменном платье и с заплетёнными косичками, а в светлой блузке и в короткой юбочке, с двумя «хвостиками», завязанными цветными бантами. И как ни бились наши педагоги, она каждый день приходила с каким-нибудь ярким элементом в скучной школьной олёжке. А всех «поклонников» Инна мастерски отшивала, и почему она сразу после окончания школы вышла замуж за Эдика Пекарского, самого скромного мальчика из нашего класса, который краснел при одном упоминании о девочках, не знаю.

Я же, чтобы не быть в числе «отверженных», сразу обратил внимание на Лиду, тем более, что и сам был отличником. Но дальше переноски её портфеля и совместных потготовок к контрольным работам дело не пошло. Лида была дочерью генерала, одевалась скромно, но со вкусом, а писала красивым ровным почерком. У меня до сих пор сохранилась её тетрадка с сочинением о творчестве Леси Украинки. Мы были довольно дружны и я сохранил самые тёплые воспоминания о нашей дружбе, но назвать Лиду своей первой любовью я не могу.

Мальчишки в наше время были ещё очень глупыми, у нас в классе учился верзила Сашка Ткаченко, который после уроков играл с мелюзгой в «казаки-разбойники», носился по двору, кричал и размахивал воображаемой шашкой. А о «сексе» мы не имели ни иалейшего понятия. Правда, были некоторые познания из пошлых анекдотов, но я их не любил слушать. Помню, как мы дома у моего друга Юры Худякова рассматривали медицинский атлас, его мать работала медсестрой, и ещё долго не могли понять, как это мужской член попадает в женский орган, в атласе это не показывали...

1956-й год стал знаковым как для меня, так и всей страны. Во-первых произошло объединение мужских и женских школ, о чём я уже говорил. И поначалу дело доходило до курьёзов: девочки ходили на военную подготовку и учились кидать гранату, Наша «малышка» Люба Кун не могла кинуть её дальше, чем на метр. «Себя подорвёшь!» – кричали мы. А «вышка» Галя Кундиренко даже кинула однажды гранату через школьный забор, чем вызвала гнев физрука. И она быстрее всех в классе разбирала и собирала автомат! К счастью, мальчиков на уроки домоводства ходить не заставляли, приглашали только оценивать кулинарные способности девочек. Но главное, в этот год я впервые влюбился! Вернее, осознал это, а любовь началась гораздо раньше.

Мы жили почти в центре старинного города Львова, куда моего отца назначили продолжать военную службу. В буюльшом пятиэтажном доме над нами проживали две семьи работников милиции, где были две девочки: младшая Неля и старшая Нина. Так вот она брала меня с собой в 21-ю женскую тогда ещё школу в качестве младшего брата, где я как единственный представитель мужского пола был нарасхват. На девичниках все стремились потанцевать со мной, но я запомнил лишь одну – Аню, которая учила меня вальсировать...

И когда я встретил Анну спустя несколько лет в знаковом 1956-м, красивую девушку с копной чёрных волос и пронзительным взглядом чёрных глаз, то влюбился окончательно. Потом были совместные походы в кино, в кафе-мороженое, прогулки по паркам и улочкам Львова. Учитывая местную дождливую погоду, мы часто прятались в парковых домиках или подъездах домов и подолгу целовались, целовались, целовались... На свидания я всегда при-

ходил с небольшими букетиками, а на её день рождения денег ни на подарок ни на цветы не было. И я, заранее, прихватив ножницы и рукавицы, ночью заполз на клумбу в центре города, где срезал почти все розы. Букет был потрясающим, все гости восхищались им, но я был рад восторженному блеску сияющих глаз Анны...

Этот же год стал роковым для стран Варшавского договора: Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и ГДР – в Венгрии произошла революция, которую тогда называли «путчем». Моего отца направили восстанавливать разрушенное, хотя его и не планировали. Но подвёл я – после прогулок под дождями я стал часто болеть ангиной. В тот ноябрьский день родители собрались в гости: мать принарядилась, отец в военной форме, никак не могли оставить меня с больным горлом. Вдруг в дверь постучали, отец открыл, потом вернулся, взял всегда готовый чемоданчик и ушёл. До самого Нового года мы не знали, где он, пока не получили весточку: «Читайте газеты!» А в газетах было только одно: о событиях в Венгрии.

Я продолжал часто простужаться и весной 57-го мать отправила меня в госпиталь вырезать гланды. По её просьбе меня положили в палате с офицерами, а операцию делал известный хирург Труханенко, с сыном которого я познакомился позднее, уже работая в политехническом институте. Единственное, что я запомнил, как после операции меня подвели к зеркалу и я ужаснулся, увидев там страшного зелёного человечка! Потом меня отвели почему-то в солдатскую палату, где я наслушался таких любовных историй про отношения мужчины и женщины, что уже не нужны были никакие лекции о семье и браке.

Мать меня не навещала, она занималась моей маленькой сестричкой, а отец приехал по её вызову и сразу пришёл в госпиталь. О том, что он ждёт меня на проходной я узнал от больных и побежал как был в пижаме и тапочках к нему. Отец привёз мне в подарок диковинку: полицейскую машину с сиреной и инерционным колёсиком внутри. Мы начали катать её друг другу прямо на полу, я она ужасно выла, а я кричал от восторга! Прибывшая на сильный шум медсестра пригрозила отобрать у меня штаны за «самоволку», но было уже поздно – отец забрал меня и увёз с собой в Венгрию.

Это была другая страна, другие люди, обычаи и нравы, другой мир. Меня поразили красавец Пешт с широкими проспектами и величественным зданием Парламента, мосты через Дунай и старинная Буда с Рыбацким бастионом, Королевским замком и горой Геллерт, откуда открывается прекрасный вид на Будапешт. Отец сказал, что у подножия памятника святому стояла скульптура советского воина-освободителя, но во время событий её скинули вниз, осталась только на постаменте пятиконечная звезда, прошитая пулями...

Но всё это я узнал и увидел потом, а сначала была офицерская казарма, где мы с отцом прожили несколько месяцев. Это было огромное с высокими потолками помещение, у каждого своя койка, тумбочка и большой шкаф, куда можно было спрятать не только мои нехитрые пожитки, но и меня самого. В шкафу на полке я нашёл медную бляху с надписью «Honved», очевидно, она принадлежала бывшему владельцу. Наша воинская часть располагалась на месте военного училища в городке Matyasfeld, как я позже выяснил, в часе езды на электричке от венгерской столицы.

Мне категорически запрещалось выходить за пределы территории, но я это сделал чуть ли не на следующий день. Солдат у проходной спокойно выпустил меня, но зато учинил допрос, когда я вернулся. Так я каждый день гулял по городку, познакомился с местными ребятами, которые относились ко мне по-доброму и многие неплохо говорили по-русски. У них я и выяснил, как можно добраться до столичного вокзала Nyugati. Отец, узнав о моих прогулках, только слегка пожурил меня и... заказал мне пропуск для беспрепятственного прохода на территорию воинских частей. И посоветовал быть осторожным и не распространяться о месте жительства.

Не стану описывать красоты Будапешта: Kerut – главный проспект, Vaciutca – маленькая улочка с многочисленными модными магазинчиками, Moszkvater – площадь автовокзала, откуда можно было уехать в любой венгерский город и даже в Вену, Берлин или Прагу,

Margitsziget – остров отдыха посреди Дуная с бассейнами и спортплощадками, куда я ездил не часто, дорогая плата за вход. А в Vidampark – место невиданных аттракционов с американскими горками, чёртовым колесом и пещерой ужасов и в Turokfurdo – турецкие бани, настоящий «дворец султана» с купальнями внутри и сухой парильней отец возил меня сам.

В августе, когда приехала мать с сестрой, он повёз нас на Балатон. Мы ехали вдоль огромного озера и долго не могли найти наш дом отдыха, потому что названия всех населённых пунктов, расположенных в прибрежной зоне, начинали со слова Балатон: Balatonfured „,Balatonerde и так далее. Наконец услышали громкое русское радио и догадались – мы у цели! Я каждый день купался в озере, но не лежал на пляже, а гулял с местными ребятами и девушками по поёлку, где было весело, играли скрипки и танцевали люди просто на траве. А однажды даже поехали на катере на другой берег в Balatontihany, где погуляли на празднике вина! Наступал сентябрь, мне пора было в школу и отец увёз меня в часть, оставив мать с сестрой в доме отдыха – ведь жить им было негде.

Школа находилась в другой воинской части, в городке Sashalom в нескольких километрах в сторону от трассы. Учеников разных возрастов собралось немало, и нас каждый день возили на автобусе туда и обратно. Приезжали дети военнослужащих и вольнонаёмных из других воинских частей. Это была обычная советская школа почему-то под номером 50, наверное, счёт вёлся по всей Восточной Европе, где были наши войска – от Германии и Польши до Венгрии и Болгарии.

Ученики собрались самые разные, со всех уголков Советского Союза – из Москвы и Киева, Прибалтики и Сибири. Директор приехал из Львова, как ни странно, из моей 35-й школы! Он преподавал математику, а его дочка Катя училась в нашем классе. Это была весёлая и озорная девчёнка, «своя в доску», давала нам списывать домашние задания. Однажды произошел курьёзный случай: все в классе усиленно готовились к контрольной по математике, как вошла Катя и сказала: «Контрольной не будет, папа заболел.» Все закричали: «Ура!» На что она ответила: «Бессовестные, больше не дам списывать!» А вообще, старшеклассников было мало, в нашем восьмом не больше пятнадцати, так что уроки приходилось учить каждый день, надежды на то, что сегодня не спросят, было мало.

Преподаватели были в основном жёны офицеров, чьи дети у них же и учились. Девочек в нашем классе было мало: Две подружки – Вера и Надя, которые жили в общежитии при школе, потому что их родители служили далеко, и симпатичная и компанейская Ляля, за которой «увивались» все старшеклассники, кроме меня. Но как-то среди учебного года появилась чисто русская красавица – Альбина: высокая и статная, с русой косой до пояса и небесным взглядом голубых глаз из-под чёрных бровей! Конечно, с ней подружился именно я: учился на отлично, считался примерным и, что немаловажно, подходил по росту. Так получилось, что остальные ребята в нашем классе были помельче и с учёбой у них было похуже, поэтому шансы на успех были лишь у меня.

Альбина оказалась дочерью высокопоставленного офицера из отцовской части, а её мать стала преподавать у нас русский язык и литературу, что потом сказалось роковым образом на наших отношениях. Предыдущую учительницу уволили за «отклонения от программы» – она читала нам лирические стихи Блока, Брюссова, Пастернака и даже пролетарского поэта Маяковского! Но все мы знали, что Маргарита Викторовна «закрутила любовь» с женатым командиром части, поэтому её и выслали из Венгрии. А Лидия Петровна слыла добропорядочной женой и матерью, хорошо знала школьную программу, но надо отдать должное, на уроках у неё было не скучно.

К тому времени многие офицерские семьи получили жильё в спальном районе Будапешта Kertvaros, который был гораздо ближе до центра столицы. Отец даже возил меня на осмотр новостройки, мы довольно долго пробирались через ямы и строительный мусор, пока нашли свой дом и квартиру: это была типичная однокомнатная «хрущёвка» (egyhón–однушка) с печ-

ным отоплением, уголь хранили в кладовке, но с газовой плитой на кухне. Как мы потом размещались в маленькой комнатухе вчетвером, сложно описать: стояли четыре раскладушки одна к одной, печь быстро остывала и зимой было холодно. Отец додумался греть на плите кирпичи, благо стройка ещё продолжалась, и класть их рядом. Но это было позже, а поначалу он доверил мне вселиться самому. Приехав с друзьями отметить новоселье, я долго не мог найти свой дом – всюду стояли одинаковые пятиэтажки. Наконец кто-то заметил табличку с нужным номером, но я засомневался – вокруг не было ни ям ни канав, а лежал аккуратный газон с цветами, небольшими деревцами и зелёными лавочками рядом!

Мы с отцом были первыми новосёлами, потом сюда заехали другие жильцы. Наша улица 926-ik utsa тянулась далеко вдоль квартала новостроек, а с другой стороны были частные домики с цветущими вишнями и абрикосами, вот почему весь микрорайон называли: Kertvaros – садовый городок.

Альбина жила в другом конце улицы, после школы автобус отвозил сначала меня, но я не выходил, а ехал дальше. Мы долго гуляли по маленьким улочкам вдоль садов, говорили, спорили и мечтали. А когда непогода или темнело, уходили в подъезд, сидели, обнявшись, на подоконнике между этажами и целовались в темноте. Если кто-нибудь заходил и включал свет, мы успевали отодвинуться и убрать руки. Но свет автоматически гас, я опять прижимал к себе её маленькие груди, целовал губы вкуса мёда и вдыхал цветочный запах волос...

Но эту идиллию прервала рыжеволосая красавица, которая появилась в классе после Нового года. Весёлая и озорная Валерия Легостаева сразу привлекла к себе общее внимание, но я опередив всех, подсел к ней на последнюю парту, других мест больше не было, всё таки тёзка! Да и сама Лидия Петровна предложила мне помочь новенькой догнать школьную программу. Но Лера, так она просила себя называть, не сильно интересовалась задачками и упражнениями, а больше анекдотами, которых я знал множество. Альбина, естественно, поджала губы, но не подавала виду, что ревнует. Наши прогулки прекратились, тем более, что я стал задерживаться, Леру поселили в школьном общежитии, и часто добираться домой самостоятельно.

Окончательный разлад наступил в день рождения Альбины, куда пригласили всех, но пришли лишь те, которые хотели получить хорошую оценку по литературе. Я метался в поисках поларка, но купил лишь красный цветок в маленьком горшочке – на букет из живых цветов денег не хватило, а лазить по чужим садам я не решился. Мой «Аленький цветочек» был благосклонно принят, но сама Аля демонстративно обслуживала гостей – разносила еду, пирожные и кофе. А я ухаживал за Лерой, подливал ей (и себе!) вино, шутил и веселил, и, конечно, танцевал с ней.

Пришла пора расходиться и я вызвался проводить Леру до общежития, куда надо было ещё добраться. Когда мы вышли из подъезда, нам чуть ли не на голову свалился маленький горшочек с цветком. Лера испугалась, а я, узнав свой подарок, прижал её к себе и успокоил: это ветер сдул у кого-то с окна!

Затем романтическая пездка в полупустой электричке, уговоры часового, потому что я не взял общий пропуск, прокрадывание в комнату, где уже сопели Вера с Надей. Что было потом, я смутно помню, потому что растаял от вина или близости девичьего тела: объятия, поцелуи, горячие слова. Когда на койках зашевелились соседки, наступило отрезвление – я соскользнул с кровати, где лежал не раздевшись, выскочил из общаги и помчался по шоссе домой. Путь был неблизкий, но я бежал быстро: душа пела, а тело летело! Отец храпел и не заметил моего отсутствия, а мать с сестрой в очередной раз уехали в Союз. Однако все неприятности меня ещё только поджидали...

В понедельник на уроке литературы мы с Лерой как обычно шептались и разговаривали за последней партой, как вдруг Лидия Петровна подняла её: «Повтори, что я только что сказала!» Конечно, Лера не знала и молчала. Результат: «Садись, два!» Тут не выдержал я: «За что двойка, это не справедливо! Я её отвлекал.» – «Тогда ответь за неё ты» Но я не стал ничего

говорить и упорно молчал, хотя вокруг все зашипели подсказку. «Теперь и тебе два, защитник!» Тут уж не выдержала Лера и стала тоже возмущаться. «А Вас, Легостаева я вообще попрошу удалиться, Вы мешаете мне вести урок» – прозвучало как приговор. «Тогда уйду и я!» И мы с Лерой покинули загудевший как улей класс. Гуляли по территории части, ели мороженое в кафешке, бегали, смеялись и целовались...

Когда пришли после всех уроков в класс за портфелями, там нас ожидал настоящий педсовет: завуч и пара учителей. Нас стали журить за поведение, грозили сообщить родителям Легостаевой, а моим нет, потому что матери опять не было, а отцу бесполезно. Я уже хотел было попросить прощения, как вдруг Лидия Петровна сказала: «Ты думаешь, что за какой-то цветочек можно обижать мою дочь?» Я понял, откуда ветер дует и промолчал.

Упорно молчал я и на уроках литературы и получал двойку за двойкой. В результате два в четверти и четыре за поведение, а это хуже, чем два за предмет. В школе все говорили о нашем «любовном треугольнике» и осуждали «злую мать». Начинались весенние каникулы, многие уезжали домой, в том числе и Лера. А Лидия Петровна задала нам самостоятельно прочитать «Молодую гвардию» и написать сочинения про любимых героев.

Я с головой погрузился в героическую повесть советского писателя Фадеева о подвиге комсомольцев в оккупированном немцами Краснодаре в годы Великой Отечественной войны. «Молодую гвардию» я уже читал и любил, но снова перечитал знаменитую книгу от корки до корки и решил писать сочинение про Любовь Шевцову, которая мечтала стать актрисой и выдавала себя за неё, чтобы выведать военные секреты у немцев. Я даже исписал целую тетрадку о характере, поступках и героизме молодой комсомолки Шевцовой со ссылками на цитаты, котлрые отметил в книге закладками. Осталось только ждать начала учебных занятий.

Первый же урок литературы был посвящён «Молодой гвардии». Лидия Петровна по очереди называла имена главных героев: Олег Кошевой, Ульяна Громова, Сергей Тюленин и выбирала отвечать тех, кто поднимал руку. Когда дошла очередь до Любови Шевцовой, поднял руку только я, заранее предупредив всех, что эта героиня – моя. Поджав губы, Лидия Петровна вызвала меня, сказав, чтобы я был краток, потому что до конца урока осталось мало времени.

Вот и наступил мой звёздный час: я читал свой «опус», то возвышая голос, то переходя почти на шёпот, изображая то немцев, то молодогвардейцев, подкрепляя своё выступление цитатами из книги, как вдруг прозвенел звонок. Но никто не тронулся с места и все закричали: «Пусть дочитает!» В класс заглядывали удивлённые ученики, что это мы сидим на перемене? И я дочитал до конца. Сначала была тишина, потом аплодисменты, когда Лидия Петровна вывела в журнале жирную пятёрку. Все повскаали с мест с криками: «Ты как артист! Тебе надо стать писателем!» Меня поздравляли, словно я защитил диссертацию, и только Аля сидела с равнодушным лицом, силясь показать, что ей всё равно. А вот та, для которой я и старался, Лера, осталась действительно равнодушной – высокие материи её не интересовали...

Но не это было для меня шоком, а то, что Лера как-то заболела и когда я пошёл навестить, в её комнате уже сидел... Генка из 10-го. Потоптавшись и спросив про здоровье, я ретировался и решил забыться, полностью погрузившись в учёбу. Очередная реформа школьного образования установила 8-й класс выпускным, и впереди нас ждали экзамены. Надо было исправлять плохие оценки и серьёзно готовиться, ведь мы учились кое-как, высчитывая, кого спросят, а кого нет. Перед уроками договаривались, чтобы те, кто учил, тянули руки, учителя это любят и не вызовут тех, кто профилонил. Но система давала сбой, и однажды я глупо попался на этих подсчётах.

Была у нас учительница по физике, милейшая особа, которая спрашивало точно по списку по три человека за урок. Подсчитав свою очередь, я беспечно «филонил» и не учёл того, что многие отсутствовали по болезни – гулял грипп. Когда меня неожиданно вызвали, я долго топтался у доски и тупо смотрел на металлические шарики на верёвочках, потому что даже не знал, о чём идёт речь! Мне подсказывали, но из всеобщего шёпота я ничего не мог

понять. Наконец общими усилиями я что-то пробормотал о силе действия и противодействия. На что обаятельная Марго мне сказала: «Вы сегодня плохо подготовились, салитесь, четыре!» А я думал, что влечет трояк, сработал авторитет примерного ученика!

Самая короткая четверть четверть пролетела быстро, экзамены я сдал на отлично, по годовым отметкам подкузьмила только литература. Лидия Петровна хотела поставить три, но под давлением учителей согласилась лишь на четыре. Выпускного особенного не было, все просто разъехались по домам: кто в Москву, кто в Ленинград, кто в Ригу, а я во Львов. Восьмой класс позади, а кто вернется в девятый было неизвестно. И рыжеволосую Леру Легостаеву я больше не видел, зато черноволосую Аню Грамову встретил вновь несколько лет спустя. Но это будет в более взрослой жизни и в другой главе.....

ГЛАВА 2: Будапешт – столица мира.

Осенью 58-го года, окрепшие и подросшие, загорелые и возмужалые, мы почти в полном составе вернулись в родную школу. Не было только Леры, её родителей перевели, кажется, в другую страну, да и Генки не стало, он окончил десятый класс ещё до реформы, а нам предстояло учиться до одиннадцатого. Приехали и неразлучные подружки Вера с Надей, похорошели, пополнели, приобрели красивые женские формы. Появилась и новенькая – Фатима Уразбаева, мы её окрестили Фаей. Очень миленькая и смешливая татарочка, она сразу приглянулась Филиппу Латипову, его все звали просто Филя, но он не обижался, хотя был крепко сложен и мог если надо и поколотить. Я же решил больше не связываться с противоположным полом и приналёг на учёбу.

Учиться было легко, программу двух лет растянули на три года, уроки русского языка отменили, дали больше немецкого, ещё географию и биологию перенесли из седьмого класса в девятый. К тому же у нас не было военной подготовки, ведь мы жили в дружественной стране, и занятий по труду. Мы не сколачивали табуретки, а девочки не вышивали крестиком. Я выполнял дома только письменные задания, а устные схватывал от учителей на уроках, так что свободного времени было много. Его я посвятил изучению венгерского языка, записался на курсы при доме офицеров. Хотя общаться со сверстниками я мог, свободно изъяснялся на улице и в магазине, но серьёзных знаний не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.